

Особенно когда на ее плечах лежал весь вес Дзэна: одна рука лежала на его спине, чтобы он не соскользнул вниз со слишком узких для этого плеч, а другая не давала юбке мешать. Она почти преодолела свой страх перед шуншином, но никогда еще не делала этого в темном лесу, все вокруг было скользким от дождя. У нее не было свободной руки, чтобы опустить боевые очки; свет давали молнии, и он был в лучшем случае прерывистым.

Темнота, казалось, притягивала ее сознание к телу, к биению сердца, движению легких, звукам собственного дыхания, которые становились ужасающе громкими. Сакура сглотнула тошнотворное предчувствие боли, а затем двинулась, продираясь сквозь деревья без грации, но со всей скоростью. Под ногами закрипел камень, и Сакура едва не упала: в лодыжке, вынужденной выдерживать весь ее вес, а у Дзэна к тому же еще и под углом, не предназначенным для переноски тяжестей, зародился теплый дискомфорт.

В планы Сакуры не входило обогнать нападавшего, против которого была направлена сама земля - меньше, чем огромные песчаные сооружения Гаары, но мертвый был мертв, - но короткий луч света показал достаточно широкое дерево. Прижав руку к ногам Дзэна, Сакура сложила пальцы в символ концентрации и, оставив клона, направила его на преследователя. Забежав за дерево, она довольно грубо прижала Дзэна к коре, нервно сжимая пальцы в более простой технике хамелеона, нежели та, что использовал первый шиноби для истощения чакры. Дзэн поднялся на ноги и, казалось, собирался что-то сделать, но Сакура, используя свою силу, усиленную чакрой, прижала его к дереву, зажав рот рукой в знак молчания.

Она была сильнее его - может быть, не в целом, но постоянные тренировки навсегда изменили и меняют динамику грубой силы между ней и всеми остальными, и то, что она была так близко, напоминало об этом. Сакура не знала, к чему были эти первые попытки, если только он не верил, что она сумеет их скрыть, но они легко прекратились. Ее рука не прижималась к его губам - люди обычно кусаются, когда так делают, - но она чувствовала его теплое дыхание, быстрое, как биение сердца птицы. Хотя оно замедлилось, когда звук погони затих.

Сакура осторожно убрала руку, но продолжала поддерживать вес Дзэна. Внимательно прислушиваясь, она пыталась разделить шум леса и дождя и шиноби, ожидающего, когда они выйдут из укрытия. "Дзэн-сан, - прошептала она, повернувшись к нему лицом: короткая вспышка молнии дала ей достаточно света, чтобы увидеть, как он придвинулся к ней верхней частью тела и нежно прижался губами к ее губам.

"Это вся твоя благодарность", - прошептал он рядом с ее ухом. "А теперь иди".

Сакура едва не отшатнулась назад. Ее собственные губы имели освежающий привкус грейпфрута, поэтому сладость клубники, задержавшаяся лишь на мгновение, принадлежала ему. И Сакура не могла сейчас с этим смириться.

Поэтому она снова отправилась в темноту, на поиски того, кто мог бы манипулировать землей, на которой она стояла. Размокший от дождя мох соскользнул с камня, увлекая за собой Сакуру. Она сильно ударилась о дерево, грубая кора оцарапала ей предплечье и лицо, хотя ее шемаг защитил большую часть. С таким шумом ей не нужно было беспокоиться о том, чтобы найти его.

Он сам нашел ее.

Сакуре едва хватило предупреждения и присутствия духа, чтобы отпрыгнуть в сторону, когда лесная подстилка взорвалась зубастой пастью быстро растущих сталагмитов. У него не было тонкого контроля Гаары, и та ее часть, которая не кричала "осторожно, осторожно!", отметила это. Даже "рука", сломавшая ногу Зен, была жесткой и примитивной.

Единственным выходом было продолжать двигаться, причем двигаться непредсказуемо - его чакры не хватало, чтобы просто завалить ее размерами конструкции. Но из-за этого было трудно закрываться, трудно целиться. А сломанное ребро словно били в грудь каждый раз, когда ей приходилось поворачивать туловище, чтобы избежать очередного удара.

"Несмертельный" удар Шикамару мог подождать до другого дня, до другого боя. А ей нужен был один. Хороший. Удар.

Оскалив зубы, она использовала технику шуншин, чтобы преодолевать все меньшие расстояния: десять футов, пять, два, семь, ее полет был таким же неровным, как у комнатной мухи. Она почти не видела - дело было не только в темноте, но и в скорости. Камни сдвигались, ветки рвались, а он пытался убить ее. Но вот она оказалась рядом с ним, а потом ее ножи впились в плоть, по одному с каждой стороны его грудной клетки, словно клещи. Он прижал ее к себе так близко, что это было почти пародией на объятия, и она чувствовала тепло его дыхания.

И она чувствовала, как она прерывается, когда кровь наполняет его легкие, слышала звук, с которым его тело пытается не захлебнуться собственной жидкостью. Она не стала поворачиваться, а согнула колени, чтобы поднять их вверх, пока не уперлась всем весом его тела в дрожащие руки. От адреналина, от страха, от облегчения, даже если с его губ на ее нос капала пенная кровь.

Когда она перестала слышать его дыхание, она опустила его на землю, освободив тело от ножей. Она улучила момент, чтобы вытереть клинки, прежде чем снова вложить их в ножны. Оторвавшись от своего занятия, она попыталась сориентироваться. Все ее ухищрения, чтобы ориентироваться в лесу, не срабатывали - в последней безумной спешке она дезориентировала даже саму себя. В конце концов ей пришлось вскарабкаться на дерево и сориентироваться по огням деревни.

Она могла вернуться, позвать Зен, подстраховать их бессознательного ниндзя. Шуншин требовал много чакры, и хотя благодаря нинкёну ее физическая выносливость была просто фантастической, резервы чакры были еще в процессе работы. Она уже балансировала на тонкой грани, которая грозила привести ее к истощению, когда рефлексы начнут замедляться, а контроль - ухудшаться. А для нее, зависящей от своего контроля, это было катастрофой.

Но Тацуо был где-то там, в темноте. Он был ее партнером, тем, кто был рядом. Она должна была отнестись к нему хотя бы с таким вниманием.

Поэтому она вернулась к пробежке по темному лесу, не желая рисковать, чтобы не покалечить себя или не пропустить битву. Тишина пугала: она не думала, что они ушли так далеко, что не слышат ударов кунаев о кунаи. Лишь дождь, теперь уже более тихий, шумел в листве.

"Сакура?" Голос Тацуо был желанным звуком в ночи. Настолько желанный, что Сакура, заподозрив ловушку, метнулась по широкой дуге, которая привела бы ее не прямо, а под углом. "Сакура?"

Его голос звучал громче, и Сакура пригнулась к деревьям, морщась от боли в боку. Там стоял Тацуо, с фонарем в руке, без малейшего намека на гендзюцу, и с ним был кто-то удивительный.

"Тацуо", - признала Сакура, падая с высоты, и тут же пожалела об этом необдуманном маневре, так как ребра и лодыжки были повреждены. "Гаара-сан".

Рыжеволосый нин в знак признательности серьезно наклонил голову.

"Полагаю, это означает, что все кончено?" - спросила она.

"Все, кроме сбора и допроса", - подтвердил Тацуо. "Как выяснилось, Гаара-сан имеет привычку выходить на прогулки по ночам. Этим и надеялись воспользоваться наши шиноби. Мы немного пошумели, и он, естественно, отправился на разведку. Это дало одной из наших целей возможность, которой она ждала, - они разработали какое-то гендзюцу".

"Оно похоже на то, которое я использую, когда Шукаку больше помогает, чем раздражает, что бывает нечасто. Но вряд ли они первые, кто пытался это сделать", - хмыкнул Гаара. "Я ношу с собой стимуляторы. Но если бы одиннадцать из них работали слаженно, им бы это удалось. Если бы им удалось застать меня врасплох, что маловероятно".

Сакуре удалось изобразить усталую улыбку. "Ну, все равно я рада, что ты не пострадал".

Гаара удивленно посмотрел на нее, и она подумала, что если бы у него были брови, то они бы приподнялись от удивления. Казалось, он находил это понятие странным. "...А ты?" - наконец ответил он.

"А я что?" спросила Сакура.

"Ты ранен?"

"Ничего такого, что не зажило бы".

<http://tl.rulate.ru/book/100569/3441066>